

УДК 811.111'42 : 574(045)

Зиневич Надежда Васильевна

кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры теории и практики
английского языка
Минский государственный
лингвистический университет,
Минск, Беларусь

Zinevich Nadzeya

PhD in Philology
Assistant Professor of the Department
of the Theory and Practice of the English Language
Minsk State Linguistic University,
Minsk, Belarus
nadzusha@gmail.com

СПЕЦИФИКА РЕАЛИЗАЦИИ КАТЕГОРИИ СУБЪЕКТНОСТИ В ЭКОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

PECULIARITIES OF ACTUALIZING THE SUBJECTIVITY CATEGORY IN ECOLOGICAL DISCOURSE

Цель статьи – установление типовых участников (субъектных позиций) коммуникации в экологическом дискурсе и определение степени их вовлеченности в решение экологических проблем. Анализ проводится на примере публичных выступлений экологических активистов с учетом теории критического анализа дискурса. Были определены основные субъектные позиции экологического дискурса и средства их языкового выражения. Исследование показало, что экологические публичные выступления отличаются высокой степенью инклюзивности и деятельностного потенциала участников, что напрямую соответствует жанровой специфике материала и основной цели экологического дискурса – продвижению идеи о необходимости защиты окружающей среды и формированию массового экологического сознания.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *дискурс; экологический дискурс; критический анализ дискурса; категория субъектности; субъектная позиция.*

The aim of the article is to identify the primary participants (subject positions) in ecological discourse, their linguistic markers and functional potential. The analysis draws on the critical discourse theory and focuses on the genre of public speeches. The study has shown that ecological public speeches are profoundly inclusive and endow their subject positions with a high degree of agency. The findings are in full accord with the main goal of ecological discourse – that of raising public awareness and promoting the need to protect the environment.

К e y w o r d s: *discourse; ecological discourse; critical discourse analysis; the category of subjectivity; subject position.*

Стремительное развитие идей функционализма и антропоцентризма в гуманитарных исследованиях XX – XXI вв. привели к тому, что современная лингвистика значительно скорректировала предмет своего исследования. Так, уже стало аксиомой, что изучение изолированных языковых средств без учета определяющих их экстралингвистических факторов является малоинформативным. При этом акцент перемещается на выявление функциональных особенностей лингвистического материала. Соответственно, уже

недостаточно описать языковую единицу как средство простой репрезентации/отражения внеязыковой действительности: на первый план выходит понимание языка как инструмента для достижения определенных целей. В связи с этим углубляется и понимание широкого коммуникативного контекста, предопределяющего эти цели [1, с. 200–201]. Тем самым современные лингвистические исследования неизбежно пересекаются с антропологией, философией, социологией, политологией, психологией и другими науками, приобретая яркий интердисциплинарный характер.

Изменения в ракурсе лингвистического анализа нашли непосредственное отражение в современной когнитивно-дискурсивной парадигме, выдвигающей на первый план изучение сложного комплекса когнитивных и коммуникативных функций языковых явлений в их взаимосвязи. При этом основным объектом исследования становится не текст как структурное образование, а *дискурс*, представляющий не только результат, но и процесс формирования смыслов и передачи знаний [2, с. 7].

Вместе с тем необходимо учитывать и достаточно серьезные расхождения в различных пониманиях дискурса, что становится особенно очевидным в области формулирования конечных целей дискурсивной деятельности и определении роли ее участников. Так, участники могут определяться, во-первых, через чисто коммуникативные характеристики (например, говорящий/адресант, слушающий/адресат). Цель такого общения видится преимущественно в обмене информацией и достижении желаемого коммуникативного эффекта. Далее, дискурс может описываться через институциональную принадлежность его участников (например, политик, журналист, врач и т.д.) [1, с. 195]. В данном случае цель дискурсивной деятельности, очевидно, заключается в поддержании социального равновесия [3, с. 110]. И, наконец, крайней версией институционального подхода является концепция М. Фуко, лежащая в основе критического анализа дискурса. Согласно автору, вся дискурсивная деятельность определяется установками господствующих социальных групп, заинтересованных в сохранении своей власти. Иначе говоря, передаваемые в дискурсе ценности, нормы и модели поведения направлены на угнетение непривилегированных слоев общества. Дискурс в таком радикальном понимании не только позитивен (поскольку предоставляет готовые модели для познания окружающего мира), но и негативен, так как серьезно ограничивает познание и возможные действия участников установками власти [4; 5].

Общим для всех направлений дискурсивной лингвистики является фокус на экстралингвистическом контексте, в котором осуществляется речевая деятельность. При этом важнейшим объектом исследования признается человек-коммуникант в единстве разнообразных проявлений своей сущности (когнитивных, психологических, культурных, социальных, этнических, личностных и т.д.). Следовательно, в дискурс-анализе важное место отводится изучению категорий, непосредственно отражающих различные аспекты человеческого начала. Такие категории получили название *модусных категорий* (вслед за Ш. Балли, который под *модусом* понимал часть семантической структуры

высказывания, актуализирующую различные способы квалификации действительности говорящим) [6, с. 46]. Ядром модусных категорий можно считать категорию *субъектности*, содержание которой включает всех партиципантов дискурса [7, с. 13].

Остановимся далее на принципах описания участников коммуникации, релевантных для теории критического анализа дискурса (КАД). Если в русскоязычном дискурс-анализе роли партиципантов описываются преимущественно в контексте статусно ориентированных институциональных характеристик, то КАД отдает предпочтение конвенциональным ролям (*subject positions – субъектные позиции*), в трансляции и укреплении которых заинтересованы наделенные властью группы.

Субъектные позиции объясняют, как отдельные люди/группы людей категоризируются и, соответственно, наделяются возможностью действовать или ее лишаются в контексте конкретного дискурса [8, р. 425]. Например: «слабая женщина», «мигрант-преступник». В целом КАД разводит субъектные позиции по двум диаметрально противоположным полюсам – *угнетатель (опрессор)* или иная социально привилегированная группа vs. *угнетаемый (подчиняемый)* участник коммуникации [9, р. 121].

Перечень субъектных позиций по определению не может быть исчерпывающим, поскольку зависит как от конкретных условий реализации дискурсов, так и позиции исследователя. В экологическом дискурсе, например, можно выделить такую стереотипную субъектную позицию, как *человек – активный покоритель природы*. Соответственно, природа в результирующем уравнении будет пассивным «объектом». Анализ научного экологического дискурса в [8] позволил выявить такие субъектные позиции для описания населения, как *пассивный обыватель* ‘laggard’, *скептик/невежа* ‘sceptic; ignorant’, *усредненный потребитель* ‘ubiquitous consumer’.

Целью настоящей статьи является расширение списка субъектных позиций экологического дискурса, а также выявление деятельностного потенциала, которым они наделяются в рамках данного дискурса. Анализ проводился на материале десяти англоязычных публичных выступлений десяти экологических активистов-профессионалов и неспециалистов (Г. Тунберг, Дж. Морган, Д. Аттенборо, Л. Нойбауэр и др.). Общее количество проанализированных индикаторов категории субъектности составило 1092 единицы.

Анализ материала позволил установить следующих типовых участников коммуникации (субъектные позиции) в публичных речах: *говорящий; непосредственная аудитория; человечество в целом; авторитетный эксперт; обыватель-скептик; жертвы экологического кризиса; властные структуры*. Данные позиции выявлялись с помощью логико-семантического анализа и опоры на релевантные дискурсивные маркеры. К основным эксплицитным языковым индикаторам выявленных субъектных позиций можно отнести следующие:

говорящий – личные и притяжательные местоимения *I, me, my (mine)*, эмоционально-оценочная лексика (*critical, dramatic, delicate,*

fascinating, fundamental и т.д.), глаголы рече-мыслительной деятельности (*assume, believe, know, say, think* и т.д.), глаголы восприятия (*see, hear*), модальные глаголы и их эквиваленты (*can(not), could, have to, must, need*), модальные слова и выражения со значением степени уверенности и личного отношения (*apparently, of course, fortunately, it's clear that* и т.д.);

непосредственная аудитория – личные и притяжательные местоимения *you, your*, инклюзивные *we, our, you and I* (объединяющие говорящего и аудиторию), повелительное наклонение (*imagine, consider, let's...*), риторические вопросы и вопросно-ответные комплексы;

человечество в целом – инклюзивные местоимения *we, our, us*, обобщающие местоимения *everyone, everybody*, неопределенные местоимения *any, anyone*, номинации *our (the entire) world, humanity, humans, our population* и др.;

авторитетный эксперт – лексемы *experts, scientists, scholars; (modern) science, research, studies* (в метонимическом использовании); *justice fighters, activists, advocates, educators, physicians, green politicians, friends, neighbours, family, my heroes, indigenous people, local communities*, обобщающие номинации *my generation, our generation, young people* и др.;

жертвы экологического кризиса – личное местоимение *they*, номинации *the undeserved, the vulnerable, the poor (black and brown people), African-Americans* и др.;

властные структуры – личное местоимение *they*, местоимение *a few* (в контексте противопоставления ущемленному большинству), номинации *decision-makers, leaders, the world economy, stakeholders, financial institutions, industries, business groups, the wealthy part, politicians, banks, corporations, luxury apartment complex, the rich people, our economic and social systems* и др.;

обыватель-скептик – *the public, (some) people*.

Далее рассмотрим частотность актуализации выявленных субъектных позиций. Наиболее часто говорящий делает отсылку ко всему *человечеству* (в 25 % проанализированных случаев), к *себе лично* (23 %), своей непосредственной *аудитории* (16 %), *жертвам экологического кризиса* (14 %) и *авторитетному эксперту* (11 %).

Высокая употребительность субъектной позиции *человечество в целом* (25 %) напрямую связана с ее полным соответствием главной цели экологического дискурса – продвижению идеи о необходимости защиты окружающей среды и формированию массового экологического сознания [10, л. 86]. Так, отсылки к *человечеству* используются для акцентуации факта, что все люди ответственны за отрицательное воздействие на окружающую среду: *The rate of carbon dioxide increase in our atmosphere is unprecedented for our planet [AW]*. В свою очередь, общая ответственность настоятельно предполагает необходимость совместных действий для предотвращения экологической катастрофы, которая неизбежно затронет каждого человека: *We'd have to fully decarbonize our economies by 2050 ... [LN]*. Неслучайно поэтому в контекстах, отсылающих ко всему *человечеству*,

частотным является наречие *together*, подчеркивающее общность интересов, целей и возможных действий: *The global commons must be kept within their safe operating space, and we can only do it together* [NI].

В более узком плане отсылки ко всем людям также эффективны с точки зрения активизации и поддержания внимания, а также повышения риторического воздействия на непосредственную аудиторию, безусловно являющуюся частью человечества. Эти же коммуникативные цели преследуются и при прямом обращении к аудитории, что наблюдается в 16 % проанализированных случаев: *I can tell you one thing for sure <...>* [NI].

В ораторских выступлениях также закономерны частые отсылки говорящего к самому себе (23 %): *When I was about eight years old, I first heard about something called climate change or global warming <...>. So when I was 11, I became ill. I fell into depression, I stopped talking, and I stopped eating* [GT]. Повышенная субъективизация публичных речей является традиционным приемом, оказывающим рационально-эмоциональное воздействие на аудиторию и усиливающим общую убедительность обращения [11, с. 524].

В контексте экологического дискурса также важно то, что частое упоминание личной и профессиональной информации помогает говорящему повысить к себе доверие аудитории, показав на собственном примере возможный путь экологического становления, и предложить лично опробованные меры по сохранению окружающей среды: *<...> there was one someone who was different <...> and that was Greta Thunberg. I decided right there that everything else seemed hopeless and didn't seem to make sense, so I joined her climate strike right there at the conference* [LN].

Действенным путем привлечения внимания и повышения массовой экологической сознательности является подчеркивание серьезных проблем, возникающих в результате экологического кризиса. В этой связи закономерны достаточно частые (14 %) описания его жертв, которые могут включать как людей (*Then there was Jorge <...>. He had signs of worsening kidney function whenever he worked days on end on those hot streets due to dehydration* [CH]), так и природу (*These microbial ecosystems are changing in real and measurable ways* [AW]).

Очевидно, что жертвами экологического кризиса становятся не только отдельные люди, но и человечество в целом. В таком случае субъектные позиции жертв экологического кризиса и человечества в целом пересекаются, накладываясь друг на друга: *Climate change impacts us in four major ways. Directly, through heat, extreme weather and pollution; through the spread of the disease; through disruption of our food and water supply; and through disruption of our emotional well-being* [CH]. В данном отношении особенно важно то, что несмотря на угрозу катастрофы, говорящий не останавливается на констатации проблем, но часто идет дальше и предлагает пути их решения: *There is no reason we can't also apply this model of collaboration to address the health effects of climate change before it's too late* [CH].

Отсылки к авторитетному эксперту в публичном выступлении (в 11 % проанализированных случаев) необходимы для повышения объективности и убеждающей силы обращения, что становится возможным

за счет привлечения мнения стороннего специалиста: *Eighty-seven percent of scientists believe that humans are contributing to climate change* [MS]. Чаще всего в качестве такого специалиста выступают ученые, профессионалы из других областей, экологические активисты. Однако интересно, что авторитетным экспертом в экологических публичных выступлениях может быть и неспециалист: известный спортсмен, соседи, семья говорящего, а также местные сообщества-носители традиционного знания: *This necessarily means that we must learn to follow – not tokenize, not exoticify, not dismiss – the leadership and the traditional knowledge of a particular local place* [CP].

И, наконец, кратко рассмотрим «отрицательно заряженные» субъектные позиции властных структур и обывателя-скептика, которые занимают относительно невысокое положение в иерархии участников экологических публичных выступлений (9 % и 2 %, соответственно). Приведем пример актуализации субъектной позиции властных структур: *Decision makers and industries, leaders and politicians, they went back to business as usual, exploiting our livelihoods like there is literally no tomorrow, building coal power plants again and again* <...> [LN]. При этом важно то, что говорящий не только критикует привилегированные сообщества, но и не исключает возможности их привлечения к разрешению злободневных экологических вопросов: *Rich countries like Sweden need to start reducing emissions by at least 15 percent every year* [GT].

Реже всего (2 %) в публичных выступлениях экологической направленности встречается субъектная позиция обывателя-скептика: *... scientists and the public are so far apart on these science issues* [MS]. Интересно, что полученные в настоящем исследовании количественные данные противоречат результатам анализа англоязычного научного экологического дискурса, где было доказано, что субъектные позиции обывателя, скептика/невежи и усредненного потребителя занимают значимое место в конструировании учеными своей дискурсивной деятельности. Отсюда авторы исследования делают вывод о высокой степени недоверия научного сообщества широким массам в вопросе сохранения окружающей среды [8]. Видимое противоречие полученных результатов можно объяснить различными сферами реализации экологического дискурса: его научная разновидность по определению является более элитарной и ориентированной на узкого специалиста, чем рассматриваемые в данной статье публичные выступления, в первую очередь нацеленные на массовую аудиторию.

Таким образом, экологический дискурс – это совокупность коммуникативных практик экологической направленности, рассматриваемых в рамках широкого экстралингвистического контекста, их обусловившего. Важнейшим фактором внеязыковой подоплеки дискурсивной деятельности является человек в совокупности всего многообразия своих личностных, социальных, психологических, культурных и иных характеристик. Проследить различные

аспекты проявления человеческого начала в дискурсе позволяет категория субъектности, реализуемая, в частности, через релевантные для конкретного дискурса субъектные позиции.

В экологическом дискурсе наиболее частотными субъектными позициями являются человечество в целом, говорящий, непосредственная аудитория, жертвы экологического кризиса и авторитетный эксперт. Частые отсылки ко всему человечеству, разнообразный характер привлекаемых авторитетов и достаточно низкая конфронтационность позволяют сделать вывод о высокой степени инклюзивности публичных выступлений. Решение экологических вопросов в данном жанре экологического дискурса – не прерогатива элит, а дело максимально широкого круга людей, несущих общую ответственность за сохранение окружающей среды, жизненно важной для каждого человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Карасик, В. И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
2. *Карпилович, Т. П.* Моделирование процесса смысловой компрессии текста: когнитивно-дискурсивный подход / Т. П. Карпилович. – Минск : МГЛУ, 2003. – 226 с.
3. *Куссе, Х.* Культуроведческая лингвистика / Х. Куссе. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2016. – 372 с.
4. *Фуко, М.* Археология знания / М. Фуко. – Киев : Ника-Центр, 1996. – 208 с.
5. *Dijk, T. van.* Discourse – Cognition – Society: Current state and prospects of the socio-cognitive approach to discourse / T. van Dijk // *Contemporary Studies in Critical Discourse Analysis* / ed. C. Hart. – London, 2014. – P. 121–146.
6. *Балли, Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. – М. : Изд-во иностр. лит., 1955. – 416 с.
7. *Карпилович, Т. П.* Коммуникативные категории научного дискурса / Т. П. Карпилович. – М. : МГЛУ, 2018. – 160 с.
8. Challenging conflicting discourses of climate change / A. Fleming [et al.] [Electronic resource]. – 2014. – Vol. 127, iss. 3–4. – P. 407–418. – Mode of access: https://ep-rints.utas.edu.au/10774/2/02whole_Fleming_PhD.pdf. – Date of access: 12.02.2021.
9. *Stibbe, A.* An ecolinguistic approach to critical discourse studies / A. Stibbe // *Critical discourse studies* [Electronic resource]. – 2014. – Vol. 11, iss. 1. – P. 117–128. – Mode of access: https://eprints.utas.edu.au/10774/2/02whole_Fleming_PhD.pdf. – Date of access: 10.02.2021.
10. *Зайцева, А. В.* Типология текстов экологического дискурса ФРГ : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / А. В. Зайцева. – Смоленск, 2014. – 253 л.
11. *Дускаева, Л. Р.* Ораторская речь / Л. Р. Дускаева // *Стилистический энциклопедический словарь русского языка* / под ред. М. Н. Кожинной. – М., 2003. – С. 523–527.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

1. AW – *White, A.* What ocean microbes reveal about the changing climate / A. White // TED: ideas worth spreading [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.ted.com/talks/angelique_white_what_ocean_microbes_reveal_about_the_changing_climate. – Date of access: 31.01.2021.
2. CH – *Holder, C.* The link between climate change, health & poverty / C. Holder // TED: ideas worth spreading [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.ted.com/talks/cheryl_holder_the_link_between_climate_change_health_and_poverty. – Date of access: 31.01.2021.
3. CP – *Pichon Battle, C.* Climate change will displace millions. Here's how we prepare / C. Pichon Battle // TED: ideas worth spreading [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.ted.com/talks/colette_pichon_battle_climate_change_will_displace_millions_here_s_how_we_prepare. – Date of access: 31.01.2021.
4. GT – *Thunberg, G.* The disarming case to act right now / G. Thunberg // TED: ideas worth spreading [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.ted.com/talks/gre-ta_thunberg_the_disarming_case_to_act_right_now_on_climate_change. – Date of access: 31.01.2021.
5. LN – *Neubauer, L.* Why you should be a climate activist / L. Neubauer // TED: ideas worth spreading [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.ted.com/talks/lui-sa_neubauer_why_you_should_be_a_climate_activist#t-34992. – Date of access: 31.01.2021.
6. MS – *Shepherd, M.* Three kinds of bias that shape your world view // TED: ideas worth spreading [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.ted.com/talks/j-marshall_shepherd_3_kinds_of_bias_that_shape_your_worldview. – Date of access: 31.01.2021.
7. NI – *Ishii, N.* An economic case for protecting the planet // TED: ideas worth spreading [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.ted.com/talks/naoko_ishii_an_economic_case_for_protecting_the_planet. – Date of access: 31.01.2021.

Поступила в редакцию 09.03.2021